

ВЯТСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 12-й 1909 г. 26 марта.

ИЗДАНИЕ ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ.

Годовая цѣна съ доставкой и
пересылкой 6 руб.—Отдѣльный
номеръ 20 коп.

АДРЕСЪ: Г. Вятка. Редакція
Епархіальныхъ Вѣдомостей.

ОБЪЯВЛЕНІЯ принимаются для
печатанія за 1 стран. 5 р., за 1/2
стр. 3 руб., за 1/4 стр. 2 р.,
строчка—20 к. При повтореніи
объявленій дѣлается скидка по
соглашенію.

Отдѣлъ неофициальный.

Геосиманская молитва.

Зеленый садъ благоухаетъ.

Склонились вѣточки оливъ.

Природа всюду отдыхаетъ

И садъ таинственно притихъ.

Темно въ аллеяхъ геосиманскихъ...

Съ глубокой думой на челѣ

Стоялъ Страдалецъ въ мукахъ тяжелыхъ,

Ища пристанища Себѣ...

Скорбѣль, тужиль Онъ и молился,

Предвидя муки на крестѣ;

Изнемогая ницъ склонился

У камня хладнаго къ землѣ.

Уста шептали: „Боже, Боже!
Да минетъ чаша мукъ Меня;
Молю Тебя, если возможно...
Но будетъ воля пусть Твоя“!..

И потъ молитвенный, кровавый
Струился каплями съ лица,
А съ неба ангелъ свѣтозарный
Крѣпилъ Спасителя Творца.

II. Селивановскій.

Прикамскіе юродивые.

(Окончаніе).

Могила — у сѣверной стѣны церкви, на видномъ мѣстѣ, но почему-то прежде памятникъ на ней въ глаза мнѣ не бросился. Онъ — изъ сѣраго камня, который добывается крестьянами въ Челнахъ и Ключевкѣ. Надпись на памятникѣ говоритъ, какъ помнится, что тутъ лежитъ Христа ради юродивый „Иродіонъ Егоровъ Шутовъ“, уроженецъ деревни Чепанихи, Сарапульскаго уѣзда, что онъ юродствовалъ въ Елабугѣ, носилъ на тѣлѣ тяжелыя вериги 20 лѣтъ. Утонулъ въ рѣкѣ Тоймѣ 21 іюля 1853 г., будучи отъ роду 50 л. Надпись сообщала еще кое о чемъ, но, признаться, припомнить не могу.

Отъ этой могилы сторожъ провелъ меня къ мѣсту упокоенія „Сильки“. Могила его въ близкомъ сосѣдствѣ съ могилой извѣстной Дуровой. Надпись гласитъ, что тутъ похороненъ крестьянинъ Трехсвятской волости Сильверстъ Θεодоровъ Ачишинъ или, по прозвищу, „Силька“. Больше — какъ помню — ничего не говорится.

Изъ этого я заключилъ, что Силька юродивымъ не слылъ или же считали его такимъ лишь не многіе, иначе кладбищенское

духовенство дозволило бы назвать и его юродивымъ, какъ дозволило именовать Козьму и Иродіона. Но какъ бы то ни было, а Силька нѣкоторыми причислялся къ юродивымъ.

Я поблагодарилъ сторожа за услуги и ушелъ, задавшись цѣлью собрать о погребенныхъ на Елабужскомъ кладбищѣ юродивыхъ тѣ свѣдѣнія, на основаніи которыхъ даны имъ названія юродивыхъ. Но послѣдовавшее вскорѣ послѣ этого мое перемѣщеніе въ село лишило меня возможности привести задуманное въ исполненіе; успѣлъ собрать лишь то, что здѣсь излагаю.

Прежде всего я обратился къ М...; но и онъ сообщилъ кое что только о Силькѣ, сказавши, что Силька былъ нѣмовать — Сильку я зналъ и думаю, что онъ кое что предсказывалъ, — отвѣрилъ М...

— Что же онъ предсказывалъ?

— Напримѣръ, наканунѣ своей смерти пришелъ онъ ко мнѣ и легъ, какъ покойникъ; затѣмъ поднялся на ноги, взялъ съ божницы мой поминальникъ и знаками просилъ записать туда свое имя. Я, конечно, живого въ число мертвыхъ не включилъ.

— Больше ничего не знаете?

— Кое что могу еще сообщить, если интересуетесь.

— Такъ сообщите, пожалуйста.

— Бывало стоитъ онъ въ церкви среди молящихся и вдругъ подойдетъ къ какой нибудь разодѣтой барынѣ... Похлопаетъ слегка по наряду ея и отойдетъ. Или: подойдетъ къ какой нибудь дѣвицѣ... Поцѣлуетъ свою руку и указываетъ на молодого человека, на котораго она заглядывалась.

— Какое заключеніе изъ этого выводите?

— По моему, хлопалъ онъ по наряду тѣхъ, которые во время службы думали о нарядѣ; а молодые люди предавались мечтаньямъ другъ о другѣ, и Силька обличалъ ихъ.

— А не злились на него?

— Я думаю, нѣкоторые злились, да злостью что возьмешь? Привязаться къ Силькѣ было нельзя: онъ не оскорблялъ, а толь-

ко обличалъ прикровеннымъ образомъ. Дуракъ дуракомъ и слылъ. Многие на него и вниманія не обращали.

— Любилъ Силька провожать покойниковъ, — продолжалъ далѣе рассказчикъ; при этомъ однихъ онъ хвалилъ, другихъ — нѣтъ; а къ нѣкоторымъ предъ ихъ смертью приходилъ и, указывая въ сторону кладбища, ухаль (произносилъ слово ухъ), или же просилъ холста.

Таковы были сообщенія елабужца о Силькѣ, котораго онъ, несомнѣнно, считалъ юродивымъ.

Другіе отозвались о немъ, какъ объ истомъ дуракѣ.

На чьей сторонѣ была правда, я доказывать не берусь.

Спросилъ я того же елабужца еще объ Иродіонѣ, погребенномъ у самой церкви, котораго надгробная надпись называла юродивымъ. Но страннымъ мнѣ показалось то, что о жизни Иродіона онъ ничего не сообщилъ.

— Объ Иродіонѣ я ничего не могу сказать, — отозвался онъ и прибавилъ, что названный юродивымъ обрѣтался больше у Покрова (у Покровской церкви). Тамошніе и должны его знать. Слыхалъ только, что онъ носилъ вериги и предсказывалъ. Памятникъ поставилъ ему о. П..., священникъ Покровской церкви.

— А не знаете о Тугулѣ?

— О немъ тоже не могу сообщить, слыхалъ кое что, да не могу припомнить. Лучше всего спросите крестьянъ; они какъ-то болѣе обращаютъ на „такихъ“ вниманія, да и память объ нихъ сохраняютъ лучше.

Тѣмъ разговоръ мой о погребенныхъ на Елабужскомъ кладбищѣ юродивыхъ и закончился.

Я ушелъ отъ М..., выразивъ сожалѣніе, что не могъ получить отъ него свѣдѣній о Тугулѣ и Иродіонѣ, особенно о последнемъ. Я думалъ, что зря не погребенъ онъ у самой церкви и не названъ „юродивымъ Христа ради“.

Вскорѣ послѣ разговора съ елабужцемъ мѣстное духовен-

ство собиралось на пароходную пристань для проводовъ Преосвященнаго. Пошелъ туда и я.

Идя по дамбѣ, сошелся случайно съ однимъ изъ знакомыхъ елабужцевъ и разговорился съ нимъ. Предметомъ нашей бесѣды прежде всего было избрано Чортово городище, башня котораго гордо стояла на высокомъ берегу Камы и бросалась намъ въ глаза. Затѣмъ перешли къ юродивымъ. Хотя мой собесѣдникъ и не особенно былъ расположенъ къ разговору объ юродивыхъ, но всетаки кое что сообщилъ; но сообщилъ онъ лишь о *Надеждѣ Ивановнѣ*.

— Надежда была родомъ изъ Мензелей, — началъ свое повѣствованіе мой собесѣдникъ. Носила она рубаху длинную, до пять. Однажды, предъ большимъ пожаромъ въ Елабугѣ, кто-то изъ городскихъ жителей послалъ за ней лошадей. Она долго не соглашалась ѣхать; наконецъ, побѣжала и сѣла въ экипажъ; укуталась тамъ въ отданный ей салопъ и всю дорогу безмолвствовала, какъ будто ея тутъ и не было; между тѣмъ тамъ она молилась объ избавленіи города отъ пожара. Подѣхали къ воротамъ пригласителей, но въ домъ она не стала заходить. Все таки кое-какъ уговорили и зашла. Въ домѣ пробыла только малость и выбѣжала обратно... Оттуда побѣжала по улицѣ и забѣгала въ нѣкоторые дома. Когда случился пожаръ — посѣщенные ею дома уцѣлѣли.

— Говорятъ, что она прямо никому не говорила, только намеками давала понять о томъ, что должно случиться. Напримеръ, одна женщина пожелала узнать, который изъ двухъ сыновей ея уйдетъ въ солдаты? и съ этой цѣлью пошла она къ Надеждѣ спросить ее. Женщина только что подходила на юродивой, какъ послѣдняя стала махать въ сторону ея руками и говорить: „кабы у меня два ружья, я такъ бы играла, играла ими“. Опять она замахала руками и отъ женщины отошла. Такъ и не удалось женщинѣ спросить ее. Изъ этихъ словъ юродивой женщина ничего не поняла; только потомъ, когда одинъ изъ сыновей ушелъ въ солдаты по очереди, а другой — по найму, вспом-

нила слова Надежды и сказала, что два ружья означали двухъ солдатъ.

— А не употребляла она какія нибудь неприличныя выраженія?

— Объ этомъ ничего не слыхалъ. Говорятъ только, что она представлялась то помѣшанной, то ребенкомъ; но изъ границъ приличія не выходила. Да кто бы и не принялъ ее за помѣшанную, когда она поступала несообразно съ здравымъ разсудкомъ: на примѣръ, во время скотскаго падежа подъ ноги нѣкоторыхъ коровъ подкладывала щепки. Но и это дѣлала не просто: тѣ коровы, подъ ноги которыхъ подкладывала щепки, остались живыми.

— Рассказываютъ также, — продолжалъ собесѣдникъ, — передъ пожаромъ въ Елабугѣ она пришла ко вдовѣ П..... въ самые полдни и говоритъ: „Зачѣмъ не стряпаешь? Затопляй печку и стряпай“. — „Теперь не время стряпать: полдни“ — отвѣтила вдова. — „Затопляй скорѣе... Дымъ на дымъ не идетъ. Тамъ (указала рукой) уже затопили. Больно хорошо топятся! Затопляй, будутъ гости“. Сказала и вышла. Послѣ этого вспыхнулъ пожаръ; осталась только та улица, въ которой жила П..... И приходили къ этой вдовѣ оставшіеся безъ крова и пищи погорѣльцы просить помощи. Ихъ-то Надежда и называла гостями.

— Конечно, вдругъ всего не вспомнишь, да и вниманія на такихъ обращать не приводится. И разговоровъ объ нихъ ни съ кѣмъ никогда не случалось заводить.

Такъ сказалъ въ заключеніе мой собесѣдникъ въ виду собравшагося на пристань разнообразнаго народа.

Прошло послѣ проводовъ Преосвященнаго нѣсколько дней, и я встрѣтился у воротъ своей квартиры съ другимъ знакомымъ елабужцемъ.

Я пригласилъ его сѣсть на скамейку, на которой сидѣлъ самъ. Онъ охотно сѣлъ.

Въ перспективѣ передъ нами виднѣлось городское кладбище

съ вѣтвистыми березами. Въ театрѣ, въ сосѣдствѣ съ кладбищемъ, собирать дать какое-то представленіе, и потому любители сценическихъ представлений шли и ѣхали туда съ трехъ сторонъ.

— Потянулись наши елабужцы въ театръ, — промолвилъ мой знакомый, смотря въ сторону кладбища.

— Собираются, какъ видно, — подтвердилъ я.

— Сосѣдями пришли у насъ театръ, домъ сумасшедшихъ, больница и кладбище, — продолжалъ далѣе собесѣдникъ.

— Да, близкіе сосѣди, — согласился я.

— И хорошо. Если въ театрѣ сойдутъ съ ума, отправятъ къ сумасшедшимъ, оттуда — въ больницу, изъ больницы — на кладбище... Близки они другъ другу, — произнесъ онъ въ шуточномъ тонѣ.

— Очень даже.

— А хорошъ видокъ отсюда! перемѣнилъ онъ тему разговора. Тутъ кладбище съ березами и памятниками; въ сосѣдствѣ — Черновскій садъ, лѣвѣе — городской садъ.

— Слова нѣтъ, отличный видокъ. Такъ и просится на полотно. Всего лучше мнѣ нравится кладбище, только оно по городу маловато.

— Маловато. Изъ-за мѣстъ не мало бываетъ пререканій. Возникаютъ иногда даже ссоры. Скоро все кладбище будетъ занято фамильными рѣшетками... Богачи завладѣютъ. Бѣдняку и послѣ смерти не будетъ мѣста.

— Ничего! Выроютъ кости и будутъ швырять съ лопаты.

— Да и нельзя иначе. Надо мѣсто всѣмъ.

Тутъ, такъ сказать шире-дале, въ рѣчи коснулись и кладбищенскихъ нищихъ, и я не преминулъ спросить елабужца о „дурачкахъ“. Но въ настоящій часъ, когда пишу эти строки, очень жалѣю, что не спросилъ о погребенныхъ на кладбищѣ юродивыхъ — Тугулъ и Иродіонъ, что сдѣлалъ я по странной забывчивости. Объ нихъ онъ, вѣроятно, сообщилъ бы мнѣ что зналъ; познакомилъ лишь съ жизнью Надежды, похороненной,

по словамъ его, въ Мензелинскѣ. Кромѣ Надежды, назвалъ еще какихъ-то, но въ памяти остались только имена *Теодора, Ивана, Оедюши*; сообщилъ, между прочимъ, и объ Иванѣ Пановѣ, юродствовавшемъ главнымъ образомъ въ г. Сарапулѣ и погребенномъ въ Воткинскомъ заводѣ. О немъ я читалъ въ журналѣ „Странникъ“, только не помню, за который годъ. Если вѣрить описаннымъ въ статьѣ фактамъ, Пановъ дѣйствительно обладалъ даромъ прозорливости, только не знаю, внесень ли онъ въ какую нибудь книгу, напримѣръ — въ церковную лѣтопись; а такихъ, по строжайшей провѣркѣ сказаній о жизни ихъ, слѣдовало бы вносить въ особую записную книгу и хранить этотъ документъ.

Ивана рассказчикъ назвалъ Каракулинскимъ и сообщилъ о немъ слѣдующее.

Иванъ Каракулинскій ходилъ зимой и лѣтомъ въ длинной рубахѣ. Терпѣлъ холодъ и голодъ. Во время богослуженій всегда можно было видѣть его на церковной паперти въ числѣ нишихъ.

Отъ однихъ милостыню принималъ, отъ другихъ — нѣтъ. У кого не принималъ, тѣмъ говорилъ: „Ступай, творена мышь!“ Напримѣръ, одинъ краснорядецъ жившій, какъ Иродъ съ Иродіадой, протянулъ къ нему свою руку съ милостыней. Онъ плюнулъ на полъ говоря: „тѣфу, творена мышь“. Это выраженіе его вошло потомъ въ поговорку и употреблялось въ шуткахъ. Переходилъ Иванъ Каракулинскій съ мѣста на мѣсто съ замѣчательной быстротой.

Теодоръ былъ изъ Танайки; но о „дурацкихъ“ поступкахъ его рассказчикъ не сообщилъ, сказалъ лишь то, что онъ обувался такъ крѣпко, что оборки лаптей врѣзывались въ тѣло. Когда, по ночамъ, выходилъ изъ избы, говорилъ, что выходить для естественной нужды, между тѣмъ, какъ видали нѣкоторые, онъ на открытомъ воздухѣ молился. Если давали ему какую нибудь милостыню онъ раздавалъ ее нуждающимся тайно; но жизнь окончилъ не естественною смертію: онъ замерзъ.

О Оедюшѣ рассказчикъ сообщилъ тоже очень мало. По сло-

вамъ его, Оедюша зимой и лѣтомъ ходилъ босикомъ. Когда, во время скотскаго падежа, ему говорили, что валится скоть, на это онъ отвѣчалъ: „масла надо“, заходилъ въ нѣкоторые дворы и бросалъ коровьи рога.

Думали, что коровы переколѣютъ, напротивъ—въ тѣхъ домахъ остались живыми. Одной женщинѣ говорилъ сынъ ея при Оедюшѣ: „хороша у насъ гречиха“. Оедюша на это сказалъ: „тпрутя наша, каша пополамъ“. Предсказаніе его сбылось: гречиху раздѣлили пополамъ, потому что была посѣяна на чужой землѣ.

Бывало, если насмѣхаются надъ нимъ или стараются его разсердить, онъ ни слова не говоритъ, лишь грызетъ до крови свои руки, и такимъ образомъ гнѣвъ обращалъ на собственное свое тѣло.

— Были они прежде, а теперь что-то ихъ не видать,— сказалъ въ заключеніе елабужецъ и заговорилъ о другомъ предметѣ.

Мнѣ осталось только поблагодарить его за полученіе отъ него свѣдѣній.

Послѣ него ни съ кѣмъ никакихъ разговоровъ объ юродивыхъ заводить мнѣ не приводилось.

Черезъ нѣсколько дней я перемѣстился въ село.

Въ заключеніе, я долженъ сказать, что подобные описаннымъ юродивые встрѣчаются изрѣдка вездѣ въ нашей епархіи; но ихъ наше духовенство вниманія не обращаетъ, лишь простой народъ подмѣчаетъ въ нихъ особенныя черты и къ нѣкоторымъ относится съ уваженіемъ, даже считаетъ ихъ праведниками; между тѣмъ въ числѣ „блаженненькихъ“ не мало и волковъ въ овечьей шкурѣ“. Вотъ ихъ-то и слѣдовало прежде всего отличать отъ настоящихъ блаженныхъ и не позволять ставить на могилахъ ихъ памятники съ различными надписями; тѣхъ же, которые дѣйствительно были юродивыми Христа ради нужно бы записывать въ церковныя лѣтописи, а могилы ихъ обносить оградами, чтобы, вслѣдствіе тѣсноты на кладбишѣ, не разрывались кости ихъ.

Гр. Верещагинъ.

«МЕЛОЧИ».

*„Изъ капель моря состоятъ —
Изъ песчинокъ горы стоятъ“.*

Какъ всякое цѣлое состоитъ изъ частей, такъ и жизнь наша составляетъ сумму отдѣльныхъ явленій, дѣйствій и т. д... Но мы часто въ своей дѣятельности останавливаемся своимъ вниманіемъ лишь на цѣломъ, оставляя безъ вниманія части, считая ихъ мелочью недостойной особаго вниманія. Тогда какъ эти то „мелочи“ входятъ иной разъ значительной частью въ общее цѣлое и такъ какъ на нихъ не было обращено вниманіе, то и цѣлое черезъ то много теряетъ въ своей цѣнѣ.

Вотъ почему и пришла мнѣ мысль остановиться на нѣкоторыхъ „мелочахъ“ нашей пастырской жизнедѣятельности.

I.

Была какъ-то „родительская“ — поминальная суббота. Совершая поминавленіе — читая поминальнички, языкъ мой не разъ запутывался въ повтореніи чуть не по десять разъ одного имени подрядъ. А отдыхая послѣ службы и перелистывая житія святыхъ (готовилъ къ воскресенью бесѣду), невольно обратилъ вниманіе на то разнообразіе именъ, какимъ богаты наши святцы. Что за притча — думаю — у насъ все Иваны да Степаны, Дарьи да Марьи, а тамъ цѣлый сонмъ святыхъ, какъ будто забытъ — ихняго имени и языкъ не произнашивалъ и ухо не слыхало. Съ другой стороны бьетъ въ глаза еще такая исторія: берешь поминальничекъ какого-нибудь „интеллигентнаго“ лица — видишь, читаешь: „Геннадія, Игоря, Вячеслава... Фаины, Лидіи, Зои“... Попалъ обычнаго смертнаго — какого-нибудь Спиридона — знай отчитывай разъ по пяти подрядъ „Ивана“, а тамъ Харитона, Ларивона, Секлетиньи съ Палагеей и т. д.

Далѣе. Случись крестить у мужичка, да не спросясь назови

его дѣтище Зоей, Леонидомъ.., — тутъ пожалуй цѣлая исторія выйдеть; — обозвалъ, скажетъ, батька ребенка-то, видно осерчалъ на что-то. Съ другой стороны, нареки-ка попробуй хоть Вассой, Есимомъ, Ларіономъ у какого-нибудь чиновника, или даже у своего же брата — изъ причта — опять цѣлая исторія можетъ выйти...

По моему умишку что-то тутъ не ладно. Съ одной стороны замѣтно, что христіанское имя стало обращаться въ простую кличку, а съ другой — изъ-за такого пониманія христіанскаго имени съ годами образовалась какая-то стѣна, раздѣляющая членовъ церкви на черную и бѣлую кость. Дѣло дошло до того, что человекъ, вышедшій изъ простонародья — изъ деревни при посредствѣ ли науки, или просто службой пробившій себѣ дорогу въ „интеллигенцію“ и увесшій въ эту новую среду свое „деревенское“ имя хотя бы Луппа, Ефима..., стыдится его и всячески старается его перекроить — приспособить къ именамъ „бѣлой кости“, что особенно замѣтно въ женскомъ персоналѣ, гдѣ отъ церковнаго имени зачастую не оставляютъ и буквы — изъ Пелагii сдѣлають „Полину“, изъ Неонилы — Нину, изъ Марины — Маргариту и т. д. А этотъ ложный стыдъ и это желаніе „интеллигентнаго“ имени явились вслѣдствіе того, что многозначущее христіанское имя обратилось въ простую кличку, а при такомъ взглядѣ на имена, какъ слѣдствіе, явилось и желаніе слышать имена, ласкающія лишь слухъ, а всякое — такъ сказать жестко произносимое — бьющее по уху — имя осталось дотояніемъ тѣхъ, у кого и кожа жестка и языкъ грубъ, а эти жестко-кожіе и грубо-язычные со свойственною имъ покорностію приняли это бремя и такимъ образомъ съ годами и небожителей-то раздѣлили на двѣ категоріи. — Однимъ дали подъ ихъ покровъ и молитвы черный, рабочій людъ, другимъ — бѣлую интеллигенцію; одни слышатъ молитвы и видятъ предъ своимъ образомъ лишь сѣрую деревенскую массу, другіе чистую интеллигенцію; да кромѣ того, цѣлый сонмъ святыхъ остается забытымъ церковію земной — ихъ именъ на лю-

дехъ православныхъ нѣтъ, а поэтому нѣтъ имъ и молитвы, отъ насъ, ни молебна, ни службы, не заглянутъ и въ житіе ихъ.

Мнѣ думается, что эта ненормальность въ пользованіи христіанскимъ именемъ — въ бракованіи, если можно такъ сказать, иныхъ, въ совершенномъ забвеніи другихъ, въ пристрастіи къ третьимъ — явленіе позднѣйшаго полустолѣтія, когда среди именуемой интеллигенціи стало замѣтно упадать русское благочестіе, когда святого — носителя извѣстнаго имени оставили въ сторонѣ, а на имя стали смотрѣть, какъ на кличку. Эта моя мысль вполне подтверждается, когда заглянешь въ „дѣдовскіе“ синодики, — тамъ сразу видно, что въ дни оныя за звуковымъ значеніемъ именъ не гонялись; святыхъ изъ-за имени не браковали, не выбирали изъ святцевъ именъ красивыхъ — звучныхъ, а одинаково давали и принимали имена всякаго святого, день котораго приходился въ моментъ рожденія или крещенія. Помнится и мудрый въ своихъ указаніяхъ митрополитъ Филаретъ, когда его спрашивали, какого правила держаться въ нареченіи именъ, давалъ именно тотъ простой и естественный отвѣтъ, что имя новорожденнаго должно быть именемъ того святого, когда человѣкъ или родился или принялъ св. крещеніе.

Думается еще возразить, что народъ простой не произнесетъ нѣкоторыхъ именъ правильно — есть имена трудныя для неломаннаго деревенскаго языка. — Но вѣдь оттого онѣ и трудны, что они совершенно забыты, не слыхало ихъ ухо, ни разу не произносилъ языкъ, а черезъ годъ, черезъ 5—10 лѣтъ этой трудности совершенно не будетъ, да вѣдь изъ-за трудности произношенія не оставлено же имя напр. Сигклитикии, Аѳиногена, Авксентія, Епистиміи и т. д., а за то какъ обновится и пополнится именникъ простонародья, когда среди ихъ мы услышимъ уже такъ знакомыя намъ имена — Нины, Зои, Лидіи, Игоря, Виталія..., которыя и легки для произношенія и сразу разрушаютъ ту перегородку дѣленія членовъ церкви на „черную и бѣлую кость“, которое такъ бьетъ въ глаза въ наше время, а тамъ можетъ ско-

ро увидимъ и то, какъ черезъ это разнообразіе именъ будутъ воспѣваться въ нашихъ церквахъ и тѣ святыя, которыхъ и мы-то, пастыри, мало слыхали, а вѣдь это воспѣваніе святыхъ будетъ воспѣваніемъ — прославленіемъ и самого Господа Бога, ибо „дивенъ Богъ во святыхъ своихъ“.

Сельскій священникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Тяжелый крестъ жизни.

Жизнь жены моей угасала,
Какъ слабый огонь въ ночникѣ;
Съ молитвою смерть ожидала
Она, держа образъ въ рукѣ.

Минута кончины настала:
Рѣже она стала дышать,
Изъ руки икона упала,
Глаза начала закрывать.

Послѣдній свой вздохъ отдавая,
Какъ-будто въ бреду иль во снѣ,
Чуть замѣтно ротъ раскрывая,
Она тихо молвила мнѣ:

„Молиться о васъ не забуду,
И ты помолись, милый мой!
Любить всѣхъ васъ вѣчно я буду“...
И мигомъ разсталась съ душой.

Послѣ той тяжелой разлуки
Съ моею любимой женой
На тяжкій крестъ, горе и муки
Я обреченъ въ жизни земной.

Семейный очагъ надломился;
Въ домѣ пошло все «кверху дномъ».
Съ печали я Богу молился:
„Покой и меня вѣчнымъ сномъ!“

Но Небесный нашъ Промыслитель,
Знать, дѣтокъ моихъ пожалѣлъ.
Такъ какъ Онъ сиротъ Попечитель,
Ихъ лелѣять мнѣ повелѣлъ.

Пришлось мнѣ съ судьбою смиряться,
Дабы долгъ отца доказать,
Принужденъ съ нуждою считаться,
Чтобъ всѣхъ восьмерыхъ воспитать.
Въ жаждѣ получить облегченье
Рѣшилъ я: къ владыкѣ схожу:
Авось, испрошу утѣшенье,
Свою жизнь ему расскажу.

Недолго я думалъ, — поѣхалъ.
Вотъ, къ церкви Крестовой иду:
Объялъ страхъ... Зачѣмъ я пріѣхалъ?
Что теперь владыкѣ скажу?
Все-жъ рѣшилъ. Вошелъ въ домъ владыки;
Раздѣлся; ужъ въ залѣ сижу;
Гляжу умиленно на лики,
„Помоги мнѣ, Боже!“ твержу.

Въ гостинную дверь растворилась.
„Прошу васъ!“ владыка сказалъ.
Я страхъ забылъ, — смѣлость явилась,
Когда онъ мнѣ стулъ указалъ.

Ему свое горе повѣдалъ,
А онъ про семейство спросилъ;
Крестъ въ жизни терпѣть заповѣдалъ,
Жизни доброй путь начертилъ.

Ободрилъ меня горемыку;
Легче стала сердца печаль.
(Теперь вспоминаю владыку:
Онъ убить! Ахъ, какъ его жаль!)

Обласканный я возвращаюсь
Къ своему родному гнѣзду.
По волѣ его жить стараюсь,
Указанный путь я иду.

Но впрочемъ мнѣ нужно сознаться,
Труденъ и тернистъ этотъ путь,
Такъ долженъ работать, стараться,
Что некогда мнѣ отдохнуть.

То служба иль сборы въ приходѣ,
То школьный учительскій трудъ,
Нуждаются дѣти въ уходѣ,
Непорядки въ домѣ идутъ.

Не выразить бѣдъ всѣхъ и горя,
Что терпѣть въ сей жизни вдовець.
Знать, на то Божія воля,
Сей крестъ далъ Небесный Отець.

Разныя извѣстія.

Недавнее оживленіе и нынѣшнее охлажденіе. Руковод. для сельск. пастырей“ (№№ 32 — 43) сопоставляетъ недавнее оживленіе церковно-общественной жизни и нынѣшнее охлажденіе и апатію. Высочайшій манифестъ 17 октября 1905 г., произведшій цѣлый переворотъ въ политической жизни нашей страны, не могъ остаться безъ вліянія и на ея церковно-общественную жизнь. Первое время послѣ изданія манифеста въ церковно-общественной жизни наблюдалось необычное оживленіе, церковно-приходская жизнь по всѣмъ епархіямъ пошла ускореннымъ темпомъ.

Вопросы, касающіеся возрожденія и развитія церковно-приходской и религіозной жизни, ставились на очередь съ какою-то лихорадочною поспѣшностью. Пастыри волновались, спорили. Паства прислушивалась, ждала. 18 ноября 1906 года Св. Синодъ издалъ свое опредѣленіе о пастырскихъ собраніяхъ и церковно-приходскихъ совѣтахъ. Это опредѣленіе намѣчало тѣ формы, въ какія должно было вылиться на первыхъ порахъ взаимообщеніе пастырей между собою и съ паствою. И пастыри въ первое время горячо воспользовались даннымъ „разрѣшеніемъ“ Св. Синода; начались бурные съѣзды — епархіальные, уѣздные, окружные; полились горячія рѣчи, призывы, широкоувѣщательныя постановленія, резолюціи и проч. Епархіальные органы были завалены проектами, статьями по вопросамъ церковно-приходской жизни, отчетами о съѣздахъ; епархіальныя вѣдомости замѣтно оживились и стали содержательнѣе. Прошло три года. И за этотъ небольшой періодъ времени многое измѣнилось. Скоро прошелъ первый пылъ и повышенное сначала настроеніе стало постепенно падать. Параллельно политической реакціи началась реакція настроеній и по епархіямъ. Эпоха „бури и натиска“ смѣнилась какимъ-то безразличіемъ, вялостью, усталостью. Жизнь епархій остановилась чуть не на мертвой точкѣ. Что-то не видно того энтузіазма, той вѣры. Не видно оживленія, не слышно громкихъ

призывовъ, нѣтъ попытокъ провести въ жизнь прежнія постановленія и резолюціи. Хорошія слова, пожалуй, и сейчасъ кое-гдѣ слышны, но нѣтъ уже той вѣры въ могучую чудодѣйственную силу этихъ словъ. Жалѣть о хорошихъ словахъ, конечно, не приходится, но жалѣть приходится о томъ, что фразы не привели къ дѣлу, что попытки провести въ жизнь благіе порывы остались только попытками.

Призывъ къ духовенству объ отрезвленіи паствы.—
Въ „Астраханскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ въ № 4 помѣщенъ слѣдующій призывъ къ духовенству объ отрезвленіи паствы священника о. Шипикова. „Съ перваго же года моего служенія я понемногу время отъ времени говорилъ поученія въ церкви по поводу пьянства, такъ какъ въ моемъ приходѣ пьянство до меня было непомѣрное. Оттого бывали драки, нерѣдко кровавыя, воровство, лѣность въ земледѣльческихъ работахъ, сквернословіе и т. п. непремѣнные спутники порока изъ пороковъ. Свои поученія я усилилъ и сталъ замѣчать, что пьянство останавливаетъ свои быстрые шаги и поворачивало понемногу назадъ. Радовало меня это и еще болѣе то, что я видѣлъ сознаніе самими прихожанами вреда и грѣховности пьянства. Нѣкоторые, а потомъ и многіе приходили ко мнѣ на домъ и обѣщали больше не пить. Ободрялъ я ихъ, похвалялъ и отпускалъ ихъ съ миромъ по домамъ поодиначкѣ. Когда явились ко мнѣ, дѣйствительно, горькіе пьяницы за помощью въ дѣлѣ воздержанія, я вспомнилъ, что существуютъ помѣстамъ общества трезвости, на примѣръ въ Петербургѣ при церкви близъ Варшавскаго вокзала есть такое общество съ тысячами членовъ. Зналъ я о дѣятельности вдохновителя трезвости столичнаго рабочаго люда — покойнаго о. Рождественскаго. Въ виду этого, уловивъ 11 человѣкъ совершенныхъ трезвенниковъ, бывшихъ дотолѣ горькихъ (говорю откровенно) пьяницъ и взявъ съ нихъ данную ими добровольно клятву при торжественной обстановкѣ въ

храмъ, я рѣшился испросить у нашего Преосвященнѣйшаго Архипастыря благословеніе на дальнѣйшіе мои труды по умноженію числа трезвенниковъ и вмѣстѣ на разрѣшеніе открытія въ приходѣ общества трезвости. Преосвященнѣйшій Владыка охотно благословилъ и разрѣшилъ. Даютъ зарокъ не пить водки на определенное число лѣтъ. Трезвенники очень многіе пребываютъ тверды въ исполненіи своей клятвы, данной предъ Крестомъ и Евангеліемъ. Обыкновенно бываютъ поручители (въ родѣ воспріемниковъ въ числѣ одного или двухъ, каковыми выбираются уважаемые люди), которые поддерживаютъ, особенно на первыхъ порахъ, новыхъ членовъ трезвости своимъ дружескимъ общеніемъ. Потомъ это дѣлается новостью въ приходѣ: всѣ узнаютъ о такомъ то, давшемъ обѣтъ трезвости, бывшемъ пьяницѣ, и съ тѣхъ поръ относятся къ нему съ нѣкоторымъ уваженіемъ, слѣдятъ за нимъ, уже никогда его водкой не угощаютъ. И если бы кто нарушилъ данный обѣтъ—клятву, то это сейчасъ разнеслось бы по всему приходу и дошло бы до моего свѣдѣнія. Не заведи я общества трезвости, пьянство въ приходѣ было бы безпросыпное. А теперь народъ видитъ якорь спасенія; смѣло идетъ туда, гдѣ охотно принимаютъ, надежно хватается пьяница за объявленную и открытую для всѣхъ опору трезвости. Какъ испробовавшій это на живомъ опытѣ, осмѣливаюсь пригласить всѣхъ отцовъ іереевъ съ Божьей помощью скорѣй использовать святую рѣшимость нѣкоторыхъ, непропавшихъ еще совсѣмъ пьяницъ, своихъ прихожанъ, и поставить ихъ во главу угла великаго народнаго дѣла“.

(Астраханск. Еп. Вѣд. № 4).

Х Р О Н И К А .

Архіерейскія служенія. 22 марта, Входъ Господень въ Іерусалимъ, Божественную литургію Преосвященнѣйшій Филаретъ совершалъ въ Каѳедральномъ соборѣ.

100-лѣтіе со дня рожденія Н. В. Гоголя. 19 марта вечеромъ, по случаю 100-лѣтія со дня рожденія Н. В. Гоголя, во всѣхъ духовноучебныхъ заведеніяхъ г. Вятки были устроены посвященныя памяти великаго писателя чтенія, а 20 марта, послѣ литургіи Преждеосвященныхъ даровъ, отслужены панихиды. Въ семинарскомъ храмѣ литургію Преждеосвященныхъ даровъ и панихиду въ этотъ день совершалъ Преосвященнѣйшій Филаретъ Епископъ Вятскій и Слободской. Преосвященнѣйшимъ Павломъ, Епископомъ Глазовскимъ, 20 марта была совершена панихида по Гоголѣ въ Александро-Невскомъ соборѣ для учащихъ въ начальныхъ школахъ г. Вятки.

Изъ жизни церковныхъ школъ Вятской епархіи.

На должность члена—дѣлопроизводителя Котельническаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, вмѣсто священника Александра Фокина, назначается священникъ о. Илія Томиловъ.

Одноклассная церковно-приходская школа въ с. Владимірскомъ (Пиксуръ) Котельническаго уѣзда преобразована въ двухклассную.

Совѣтъ Леушинской церковно-учительской школы Череповецкаго уѣзда, Новгородской губерніи, предлагаетъ оканчивающимъ курсъ воспитанницамъ второклассныхъ школъ Вятской епархіи, не пожелаютъ-ли онѣ поступить въ эту учительскую школу; при чемъ могутъ быть приняты на казенный счетъ. Прошенія подавать теперь же, пріемныя же испытанія будутъ въ августъ мѣсяцъ.

Редакторъ Н. Гусевъ.

Печатать дозволяется. Гор. Вятка. Марта 26 дня 1909 г.
Цензоръ протоіерей В. Раевскій.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Въ Книжномъ Складѣ Вятскаго Епархіального Училищнаго Совѣта имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Александровъ. Выписки изъ твореній св. отцовъ и учителей церкви. Цѣна 2 р. 25 к. (Рекоменд. Миссіонер. Совѣтомъ).

Кандарицкій. Опытъ систематическаго пособія при полемикѣ со старообрядцами съ краткимъ очеркомъ развитія древнихъ сектъ и русскаго расколостарообрядчества. Цѣна 3 р. 50 к.

Центральная гомеопатическая аптека

С. А. Форбрихеръ

(основ. въ 1833 году).

Высылаетъ лѣкарства и лѣчебники съ наложеннымъ платежомъ во всѣ города Европ. Россіи. Въ Азіатскую же Россію высылаетъ не иначе, какъ по полученіи при заказѣ слѣдуемой суммы (можно почт. марками) на почтовые расходы.—Прейскурантъ лѣчебниковъ и лѣкарствъ высылается бесплатно.

Адресъ: Москва, Петровка, д. № 19.

Слѣдующій (13--14) № Епархіальныхъ Вѣдомостей, по случаю прекращенія работъ въ типографіи въ концѣ Страстной и въ началѣ Пасхальной недѣли, выйдетъ въ четвергъ 9 апрѣля.
